

Размышления о Лермонтовском Демоне

Демон любил ангела, а Тамара – только предлог...

Демон летел в черном пространстве космоса, тоскуя о потерянном рае. Там ему, тогда еще светлому херувиму, сверкали звезды и улыбались кометы, там он верил и любил, не зная злобы и сомнений. Вспоминать о прежней счастливой жизни было тяжело, не было сил. Теперь же для него бесконечной чередой тянулись однообразные века. Он сеял зло, не встречая сопротивления, и ему было бесконечно скучно.

Печальный Демон, дух изгнания,
Летал над грешною землей,
И лучших дней воспоминанья
Пред ним теснились толпой;

Тех дней, когда в жилище света
Блистал он, чистый херувим,
Когда бегущая комета
Улыбкой ласковой привета
Любила поменяться с ним,

Когда сквозь вечные туманы,
Познания жадный, он следил
Кочующие караваны
В пространстве брошенных светил;

Когда он верил и любил,
Счастливый первенец творенья,
Не знал ни злобы, ни сомненья,
И не грозил уму его
Веков бесплодных ряд унылый...

И много, много... и всего
Припомнить не имел он силы!

Давно отверженный блуждал
В пустыне мира без приюта:
Вослед за веком век бежал,
Как за минутою минута,
Однообразной чередой.

Ничтожной властвуя землей,
Он сеял зло без наслажденья.
Нигде искусству своему
Он не встречал сопротивленья –
И зло наскучило ему.

Опускаясь ниже, Демон оказался над Кавказскими горами. Под ним Казбек, как грань алмаза, снегами вечными сиял, черной змеей извивался Дарьял, бело-гривастой львицей ревел Терек, и глаголу вод его внимали звери, птицы и золотые облака. Охраняя их покой, смотрели со скал сторожевые башни-великаны.

И дик, и чуден был вокруг
Весь Божий мир; но гордый дух
Презрительным окинул оком
Творенье Бога своего,
И на челе его высоком
Не отразилось ничего.

Еще ниже опустился Демон. Перед его взором расцвели чудесные картины Грузии: роскошным ковром раскинулись долины, разноцветными камнями засверкали прозрачные ручьи. Демон – еще ниже. Он видит уже и чинары, увитые плющом, и пещеры с отдыхающими оленями, слышит пенье соловьев над благоухающими розами,

и блеск, и жизнь, и шум листов,
стозвучный говор голосов,
дыханье тысячи растений...

Но, кроме зависти холодной,
Природы блеск не возбудил
В груди изгнанника бесплодной
Ни новых чувств, ни новых сил;
И всё, что пред собой он видел,
Он презирал, иль ненавидел.

Бросая равнодушный взгляд вокруг, Демон увидел веселый праздник в доме Гудала. Гудал сосватал свою дочь за знатного князя. Жених спешит на брачный пир, а в это время его невеста Тамара поет и танцует на кровле дома среди гостей. Этим зрелищем заинтересовался Демон.

Тамара была прекрасна; юная, грациозная, с черным влажным взором, с веселой детской улыбкой, играющей на лице, словно лунный луч по зыбкой влаге.

С тех пор, как мир лишился рая,
Клянусь, красавица такая
Под солнцем юга не цвела.

Тамара напомнила Демону ангела.

На мгновенье
Неизъяснимое волненье
В себе почувствовал он вдруг.

Немой души его пустыню
Наполнил благодатный звук –
И вновь постигнул он святыню
Любви, добра и красоты!..

И долго сладостной картиной
Он любовался — и мечты
О прежнем счастье цепью длинной,
Как будто за звездой звезда,
Пред ним катились тогда.

Прикованный незримой силой,
Он с новой грустью стал знаком;
В нем чувство вдруг заговорило
Родным когда-то языком.

То был ли признак возрожденья?
Он слов коварных искушенья
Найти в уме своем не мог...
Забывать? — забвенья не дал Бог...

Внезапно в немую душу Демона влился благодатный звук, вытеснив слова коварных искушений. Демон вновь ощутил себя в раю – святыне любви, добра и красоты, среди своих прежних братьев-ангелов. Неужели любовь, возрождение? Да нет! Новые эмоции слилась с его печалью, с тоской о потерянном рае, усилили его муки. Что должен был испытать Демон к той, кто разбредила его раны? Ясно, что не любовь, а – желание отомстить, заставить страдать и даже погубить. Не красота, которую он не умеет видеть, захватила его, а жгучая ненависть. Поэтому, нелепо считать, что Демон внезапно влюбился в Тамару и ради нее захотел возродиться для новой светлой жизни и даже (!) вернуться к Богу. Ничуть не бывало! Перед нами разворачивается картина дьявольского плана по погублению Тамары!

Сначала Демон делает так, что жених Тамары погибает. Тамара оплакивает свою горькую участь. Не любовь! За богатого жениха, которого совсем не знала, она была сосватана отцом. Выходя замуж, не страстную любовь представляла она, а страшилась жизни в незнакомой семье и чужой отчизне.

Беда Тамары в том, что она выходила замуж без любви. Если бы она любила князя, не смог бы никто (да так скоро!) вытеснить его из ее сердца. А в пустое сердце Тамары сочувственными речами Демон влез без труда. Волшебным голосом напел он ей:

Не плачь, дитя! не плачь напрасно!

Твоя слеза на труп безгласный
Живой росой не упадет:
Она лишь взор туманит ясный,
Ланиты девственные жжет!

Он далеко, он не узнает,
Не оценит тоски твоей;
Небесный свет теперь ласкает
Бесплотный взор его очей;

Он слышит райские напевы...
Что жизни мелочные сны,
И стон и слезы бедной девы
Для гостя райской стороны?

Нет, жребий смертного творенья,
Поверь мне, ангел мой земной,
Не стоит одного мгновенья
Твоей печали дорогой.

Демон прикинулся светлым посланником. Он назвал Тамару земным ангелом и сказал, что не надо проливать слезы о женихе, который слушает сейчас в раю сладостные песни. И в подтверждение – спел одну из них:

«На воздушном океане,
Без руля и без ветрил,
Тихо плавают в тумане
Хоры стройные светил;

Средь полей необозримых
В небе ходят без следа
Облаков неуловимых
Волокнистые стада.

Час разлуки, час свиданья —
Им ни радость, ни печаль;
Им в грядущем нет желанья,
И прошедшего не жаль.

В день томительный несчастья
Ты об них лишь вспомяни;
Будь к земному без участия
И беспечна, как они!»

Волшебный голос обещал Тамаре:

К тебе я стану прилетать;
Гостить я буду до денницы
И на шелковые ресницы
Сны золотые навевать...

Не любовь обещал Демон, а – золотые сны, волшебные мечты! Когда слова затихли, Тамара в смятении вскопчила: кто говорил с ней? Она чувствует одновременно: восторг, испуг, огонь, томление в груди. Вскоре Демон явился ей во сне прекрасным незнакомцем.

Пришлец туманный и немой,
Красой блистая неземной,
К ее склонился изголовью;
И взор его с такой любовью,
Так грустно на нее смотрел,
Как будто он об ней жалел.

Проснувшись, Тамара стала гадать: кто это был? – Не ангел-хранитель:

Венец из радужных лучей
Не украшал его кудрей.

Но и посланника ада она в нем не узнала:

То не был ада дух ужасный,
Порочный мученик – о нет!
Он был похож на вечер ясный:

Ни день, ни ночь, – ни мрак, ни свет!

Незнакомца она сравнила с ясным вечером. Но ведь за вечером неизбежно наступает темная ночь! Тамара в глубине души понимает, что ее таинственный посетитель – не от Бога. Поэтому, она и просит отца отпустить ее в монастырь, надеется там спастись от наваждения.

Тамара отказывает всем женихам. И не верность погибшему князю тому причина. Тамарой сразу и прочно завладел Демон. О нем она тосковала, мечтая о встрече. И никакие монастырские стены не спасут ее!

Жизнь для нее стала мучением. Красоту окружающих монастырь гор она не замечает, ночная молитва не приносит успокоения и случайному путнику напоминает стон горного духа, во время церковной службы вместо пения священника ей слышится голос незнакомца, видится его образ, который под сводом купола в тумане фимиама манит ее куда-то.

Тамара не может обрести покой, чувственными мечтами Демон доводит ее до иступления.

Тоской и трепетом полна,
Тамара часто у окна
Сидит в раздумье одиноком
И смотрит в даль прилежным оком,
И целый день вздыхая, ждет...

Ей кто-то шепчет: он придет!
Недаром сны ее ласкали,
Недаром он являлся ей,
С глазами, полными печали,
И чудной нежностью речей.

Уж много дней она томится,
Сама не зная почему;
Святым захочет ли молиться —
А сердце молится *ему*;

Утомлена борьбой всегдашней,
Склонится ли на ложе сна:
Подушка жжет, ей душно, страшно,
И вся, вскочив, дрожит она;

Пылают грудь ее и плечи,
Нет сил дышать, туман в очах,
Объятья жадно ищут встречи,
Лобзанья тают на устах...

Вечерней порой Демон посетил обитель. Незримый он долго летал вдоль стен, не смея нарушить мирный приют. От его воздушных шагов без ветра колебались листья на деревьях. Была минута, когда казалось, он хотел оставить свой коварный замысел. И вдруг в тишине из кельи Тамары зазвучало

Чингара стройное бряцанье
И звуки песни раздались;

И звуки те лились, лились,
Как слезы, мерно друг за другом;
И эта песнь была нежна,
Как будто для земли она
Была на небе сложена!

Не ангел ли с забытым другом
Вновь повидаться захотел,
Сюда украдкою слетел
И о былом ему пропел,
Чтоб усладить его мученье?..

Тоску по любви ощутил Демон. Не ангел ли спустился с небес, чтобы повидаться с ним? Не ангел ли звал его в обитель, стараясь облегчить его мучения? Опять, как при первой встрече с Тamarой, ЗВУКИ напомнили ему рай. Он хотел в страхе удалиться, но не мог шевельнуть крылом. Только тяжелая слеза выкатилась из его глаз. Вот он миг возможного перерождения! Божественный звук звал его вернуться к свету! В ранних редакциях о нем говорится:

Как много значил этот звук!
Века минувших упоений,
Века изгнания и мук,
Века бесплодных размышлений
О настоящем и былом —
Всё разом отразилось в нем.

Открыто, не сновидением, входит Демон к Тамаре, с открытой душой, готовый любить и переродиться для новой доброй жизни и, действительно, видит у нее ангела. Но злое предчувствие обмануло Демона. Блистающий херувим встретил его не сладким приветом, а тягостным укором:

«Дух беспокойный, дух порочный,
Кто звал тебя во тьме полночной?
Твоих поклонников здесь нет,
Зло не дышало здесь поныне;
К моей любви, к моей святыне
Не пролагай преступный след.
Кто звал тебя?»

Белым крылом прикрыл ангел Тамару, а на Демона направил луч божественного света, чтобы отвести от нее его нечистый взор. Корчась в этом свете, Демон опомнился, в его душе опять вспыхнула ненависть, загорелся ревнивый взгляд. Демон ревновал ангела к Тамаре (а не наоборот!). Тамару он уничтожит! Ее сердцем, полным гордыни, он уже овладел, и ангелу ее не спасти.

Ему в ответ
Злой дух коварно усмехнулся;
Зарделся ревностию взгляд;
И вновь в душе его проснулся
Старинной ненависти яд.

«Она моя! — сказал он грозно, —
Оставь ее, она моя!»

Явился ты, защитник, поздно,
И ей, как мне, ты не судья.
На сердце, полное гордыни,
Я наложил печать мою;
Здесь больше нет твоей святыни,
Здесь я владею и люблю!»

И ангел отступил. Медленно взмахнув крылами, он потонул в эфире неба. Тамара осталась наедине с Демоном, героем своих вожелений. Как на первом свидании ее милые уловки нелепы. Она спрашивает Демона:

О! кто ты? речь твоя опасна!
Тебя послал мне ад иль рай?
Чего ты хочешь?..

Что она не понимает, кто перед ней? Зачем тогда пряталась в монастырь? Демон ей в ответ: «Ты прекрасна!». Она опять: «Но молви, кто ты?». Хочешь знать? – так слушай. Демон выкладывает все про себя:

Я тот, которому внимала
Ты в полуночной тишине,
Чья мысль душе твоей шептала,
Чью грусть ты смутно отгадала,
Чей образ видела во сне.
Я тот, чей взор надежду губит;
Я тот, кого никто не любит;
Я бич рабов моих земных,
Я царь познания и свободы,
Я враг небес, я зло природы,
И, видишь, – я у ног твоих!

И вот такая сила – у ног Тамары! В ранних редакциях он прямо признается ей, что он Демон. Злой искушитель продолжает разжигать ее гордыню.

Меня добру и небесам
Ты возратить могла бы словом.
Твоей любви святым покровом
Одетый, я предстал бы там,
Как новый ангел в блеске новом;
О! только выслушай, молю, —
Я раб твой, – я тебя люблю!

Лишь только я тебя увидел —
И тайно вдруг возненавидел
Бессмертие и власть мою.
Я позавидовал невольню
Неполной радости земной;
Не жить как ты мне стало больно,
И страшно – розно жить с тобой...

Что без тебя мне эта вечность?
Моих владений бесконечность?

Пустые звучные слова,
Обширный храм – без божества!

Демон насмехается над Тамарой, упоминая храм и божество. Защитительную молитву произнести Тамара не смогла, только в тихом выдохе вымолвила: «Ах, зачем меня ты любишь?». И получила в ответ новую порцию соблазнительного искушения и самолюбования.

Зачем, красавица? Увы,
Не знаю!.. Полон жизни новой,
С моей преступной головы
Я гордо снял венец терновый,
Я всё бывшее бросил в прах:
Мой рай, мой ад в твоих очах.

Люблю тебя нездешней страстью,
Как полюбить не можешь ты:
Всем упоением, всей властью
Бессмертной мысли и мечты.

В душе моей, с начала мира,
Твой образ был напечатлен,
Передо мной носился он
В пустынях вечного эфира.

Давно тревожа мысль мою,
Мне имя сладкое звучало;
Во дни блаженства мне в раю
Одной тебя недоставало.

Демон кощунственно сравнивает Тамару с предвечным божеством. И райское блаженство без нее невозможно. Грубая лесть! Но она продолжает его слушать. Теперь он взывает к ее сочувствию и состраданию.

О! если б ты могла понять,
Какое горькое томленье
Всю жизнь, века без разделенья
И наслаждаться и страдать,
За зло похвал не ожидать
Ни за добро вознагражденья;
Жить для себя, скучать собой,
И этой вечною борьбой
Без торжества, без примиренья!
Всегда жалеть и не желать,
Всё знать, всё чувствовать, всё видеть,
Стараться всё возненавидеть
И всё на свете презирать!..

Лишь только божие проклятье
Исполнилось, с того же дня
Природы жаркие объятья
Навек остыли для меня...

Изгнанников, себе подобных,
Я звать в отчаянии стал,
Но слов и лиц и взоров злобных,
Увы! я сам не узнавал.

И в страхе я, взмахнув крылами,
Помчался – но куда? зачем?
Не знаю... прежними друзьями
Я был отвергнут; как Эдем,
Мир для меня стал глух и нем...

И скрылся я в ущельях гор;
И стал бродить, как метеор...
В борьбе с могучим ураганом,
Как часто, подымая прах,
Одетый молнией и туманом,
Я шумно мчался в облаках,
Чтобы в толпе стихий мятежной
Сердечный ропот заглушить,
Спасти от думы неизбежной
И незабвенное забыть!

Тамара отвечает Демону:

Зачем мне знать твои печали,
Зачем ты жалуешься мне?
Ты согрешил...

- Против тебя ли?
- Нас могут слышать!..
- Мы одне.
- А бог!
- На нас не кинет взгляда:
Он занят небом, не землей!
- А наказанье, муки ада?
- Так что ж? Ты будешь там со мной!

Демон, обреченный на вечное одиночество, нагло врет Тамаре, а она еще сомневается: «Но если речь твоя лукава, но если ты обман тая...». Она знает, кто перед ней, но любовь и сочувствие к нему, а также ее гордыня сделали свое дело. Она продолжает заигрывать с ним: «Кто б ни был ты, мой друг случайный... Зачем тебе душа моя? Ужели небу я дороже всех незамеченных тобой?», они так же прекрасны и невинны, так почему же ты выбрал меня? И дальше, как какая-то уездная барышня, требующая верности от проезжающего гусара, она просит Демона дать клятву:

... дай мне клятву роковую...
Скажи, – ты видишь: я тоскую;
Ты видишь женские мечты!
Невольно страх в душе ласкаешь...
Но ты всё понял, ты всё знаешь —
И сжалишься, конечно, ты!

Ох, Демон и ликовал! Какую напористую клятву он ей предоставил, как развернулся!

Клянусь я первым днем творенья,
Клянусь его последним днем,
Клянусь позором преступленья
И вечной правды торжеством.
Клянусь паденья горькой мукой,
Победы краткою мечтой;
Клянусь свиданием с тобой
И вновь грозящею разлукой.
Клянусь сонмищем духов,
Судьбою братьев мне подвластных,
Мечами ангелов бесстрастных,
Моих недремлющих врагов;
Клянусь небом я и адом,
Земной святыней и тобой,
Клянусь твоим последним взглядом,
Твоею первою слезой,
Незлобных уст твоих дыханьем,
Волною шелковых кудрей,
Клянусь блаженством и страданьем,
Клянусь любовь мою моей:
Я отрекся от старой мести,
Я отрекся от гордых дум;
Отныне яд коварной лести
Ничей уж не встревожит ум;
Хочу я с небом примириться,
Хочу любить, хочу молиться,
Хочу я веровать добру.
Слезой раскаянья сотру
Я на челе, тебя достойном,
Следы небесного огня —
И мир в неведенье спокойном
Пусть доцветает без меня!

О! верь мне: я один поныне
Тебя постиг и оценил:
Избрав тебя моей святыней,
Я власть у ног твоих сложил.
Твоей любви я жду, как дара,
И вечность дам тебе за миг;
В любви, как в злобе, верь, Тамара,
Я неизменен и велик.
Тебя я, вольный сын эфира,
Возьму в надзвездные края;
И будешь ты царицей мира,
Подруга первая моя...

Печально за стеной высокой
Ты не угаснешь без страстей,
Среди молитв, равно далеко

От божества и от людей.
О нет, прекрасное создание,
К иному ты присуждена;
Тебя иное ждет страдание,
Иных восторгов глубина;
Оставь же прежние желанья
И жалкий свет его судьбе:
Пучину гордого познания
Взамен открою я тебе.

Толпу духов моих служебных
Я приведу к твоим стопам;
Прислужниц легких и волшебных
Тебе, красавица, я дам;
И для тебя с звезды восточной
Сорву венец я золотой;
Возьму с цветов росы полночной;
Его усыплю той росой;
Лучом румяного заката
Твой стан, как лентой, обовью,
Дыханьем чистым аромата
Окрестный воздух напою;
Всечасно дивною игрою
Твой слух лелеять буду я;
Чертоги пышные построю
Из бирюзы и янтаря;
Я опущусь на дно морское,
Я полечу за облака,
Я дам тебе всё, всё земное —
Люби меня!..

Против таких соблазнительных речей устоять невозможно! Тамара уступила... и поцелуй Демона погубил ее. Он осуществил свой коварный план – отомстил Тамаре.

И он слегка
Коснулся жаркими устами
Ее трепещущим губам;
Соблазна полными речами
Он отвечал ее мольбам.
Могучий взор смотрел ей в очи!
Он жег ее. Во мраке ночи
Над нею прямо он сверкал,
Неотразимый, как кинжал.

Увы! злой дух торжествовал!
Смертельный яд его лобзания
Мгновенно в грудь ее проник.
Мучительный, ужасный крик
Ночное возмутил молчанье.
В нем было всё: любовь, страдание,
Упрек с последнею мольбой
И безнадежное прощанье —

Прощанье с жизнью молодой.

Тамару похоронили в стоящей на вершине горы церкви. Туда за ее душой прилетел ангел. Он посчитал, что,

Ценой жестокой искупила
Она сомнения свои...
Она страдала и любила —
И рай открылся для любви!

Вдруг из бездны взвился адский дух и преградил ангелу путь. «Она моя», - сказал он грозно, и могильным холодом веяло от его неподвижного лица. Но ангел строгими очами на искусителя взглянул и, радостно взмахнув крылами, в сиянье неба потонул, унося душу Тамары.

И проклял Демон побежденный
Мечты безумные свои,
И вновь остался он, надменный,
Один, как прежде, во вселенной
Без упования и любви!..

Такое окончание было сделано Лермонтовым, вероятно, из цензурных соображений. Он хотел, чтобы поэму напечатали, поэтому Демон оказывается побежденным. Но вся рассказанная история говорит об обратном. Более органичным является вариант предыдущей редакции: ангел молится на могиле Тамары, туда же устремляется Демон, и когда он перед собой увидел, все, что любил и ненавидел (ангела и Тамару),

То шумно мимо промелькнул
И, взор пронзительный кидая,
Посла потерянного рая
Улыбкой горькой упрекнул...

Лермонтов именно эту редакцию подарил Варваре Лопухиной 8 сентября 1838 года, в день Рождества Богородицы. Он любил ее, называл своей мадонной, но она променяла его любовь на удобный брак с Бахметьевым. Умолять, увещевать, а тем более прямо показывать свою боль – было не в характере Лермонтова. Он преподнес ей «Демона» с посвящением, надеясь, что она поймет: демон соблазна и искушения не поселится в любящей душе.

Я кончил – и в груди невольное сомненье!
Займет ли вновь тебя давно знакомый звук,
Стихов неведомых задумчивое пенье,
Тебя, забывчивый, но незабвенный друг?

Пробудится ль в тебе о прошлом сожаленье?
Иль, быстро пробежав докучную тетрадь,
Ты только мертвого, пустого одобренья
Наложешь на нее холодную печать;

И не узнаешь здесь простого выраженья
Тоски, мой бедный ум томившей столько лет;
И примешь за игру иль сон воображенья
Больной души тяжелый бред...

Совершив очередное зло, Демон уносится от земли в черное пространство космоса.

История давно прошла, но руины хранят память о ней. На склоне каменной горы над Койшаурской долиной видны развалины монастыря, внизу раскинулся аул, где на утесе стоит дом Гудала, теперь заброшенный людьми. Там сейчас другие жильцы.

Седой паук, отшельник новый,
Прядет сетей своих основы;
Зеленых ящериц семья
На кровле весело играет;
И осторожная змея
Из темной щели выползает
На плиту старого крыльца,
То вдруг сошьется в три кольца,
То ляжет длинной полосой
И блещет, как булатный меч,
Забывтый в поле давних сеч,
Ненужный падшему герою!..

Старый Гудал и Тамара перебрались в другое жилище. Церковь, где они похоронены, сохранилась и видна среди туч на крутой горной вершине. У ее ворот стоят на страже черные граниты, покрытые снежными плащами и сверкающие ледяными латами. Среди застывших камней завывает метель. Послушать ее песню спешат с востока облака. Угрюмый Казбек сторожит могильные плиты, чтобы

вечный ропот человека
их вечный мир не возмутил.

В обратном порядке по отношению к началу поэмы описывается путь Демона от земли: дом Гудала, Казбек, вечный мир. Композиция замкнулась. Демон все также носится над землей. Зло – вне времени. Когда-то молодой Лермонтов после разрыва с любимой написал: «иль женщин уважать возможно, когда мне ангел изменил». Себя он иронично сравнивал с Демоном. Ангел изменил Демону...